

Zyngor

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕЧКА
ШКОЛЬНИКА

ЗУЛЬфия

С Ю З а н е

СТИХИ · ПЕРЕВОД
С УЗБЕКСКОГО

С (Узб)2
3-93

Рисунки И. Купряшина

О СЕБЕ

Я родилась в Ташкенте и, как многие, думаю, что мой родной город — самый прекрасный на свете. Ведь прекрасное — не обязательно самое красивое, самое лучшее. Прекрасное — то, что тебе дороже, ближе, родней. Это относится не только к городам. Это справедливо и по отношению к людям, к стихам, к литературе вообще.

Меня восхищает муза Пушкина, увлекают чеканные строфы Руставели, захватывает боль и горечь, выраженные в стихотворениях Лермонтова и Шевченко, но ближе всего, понятней, родней благоуханная поэзия Навои.

Выросла и училась я в Ташкенте. Мне помнится узенький переулочек, по которому тенью скользила закутанная в паранджу моя мать; тесный дворик.

где выдумывали сотни игр мои братья; маленькая кузница, где гремел железом мой отец — уважаемый соседями литейщик Исрапл-ака. Все это было где-то здесь, и, наверно, оттого обыкновенный городской переулок мне так дорог. Даже улицы хранят следы прошлого. А человеческая память глубже. И мне помнится время, когда я была такой же, как вы, друзья, когда мне было 17—18 лет.

Славное, интересное было тогда у нас время! (Впрочем, я уверена, что и вы через много лет, вспоминая о своей юности, скажете те же слова.)

В наших городах и кишлаках, в центре республики и на ее окраинах, побеждала новая жизнь. Возникали колхозы и заводы, каналы и электростанции, мужали и становились настоящими борцами люди. Строилось новое, социалистическое общество. У нас в Узбекистане эта стройка была особенно трудной. Ведь приходилось побеждать, кроме обычных врагов, еще и наследие феодального прошлого. И особенно трудной была борьба за свободу женщины, за ее место в общем ряду строителей новой жизни.

Именно в тридцатые годы победил в республике «худжум» — наступление, объявленное партией на законы шариата и адата, унижавшие женщину, не признававшие ее равноправия с мужчиной. И помню, как пестрели газеты крупными заголовками: «Первая в республике узбечка-инженер... Узбечка-парашютистка... Узбечка-агроном... Первая ученая... Первая артистка... Первая, первая, первая...»

Вот и я в те годы выпустила свой первый сборник стихов. Только самонадеянность молодости подказала мне название — «Страницы жизни». Какие там страницы! Тогда были написаны только первые слова первых строчек. К сожалению, как все, я поняла это позднее.

И хоть многое в той первой моей книжке несовершенно, она, конечно, дорога мне, может быть, особенно за эту свою неопытность, несовершенство, дерзость.

Конечно, многие из тех первых моих стихов я больше никогда не включала в свои сборники. Я увидела все их недостатки со ступенек опыта... Но книжка жила, ее читали. Увидев свои стихи, пе-

чатавшиеся раньше только в газетах, собранными в одну книгу, на обложке которой стояло мое имя, я стала верить, что смогу когда-нибудь стать настоящим поэтом. Эта вера живет во мне до сих пор, и когда новая моя книга уходит к читателю, мне кажется, что я делаю еще один шаг к этой цели. А главная книга, главные стихи кажутся все еще не написанными. Без этой цели вся жизнь моя и работа были бы бессмысленными.

Вы знаете, наверно, сами: почти все люди когда-нибудь в жизни пишут стихи, но поэтов на земле не так уж много. Потому что не всякие рифмованные строки — уже стихи. Существо поэзии в особом, только поэту свойственном восприятии мира, в его умении пропустить через собственное сердце радость и печаль людей, и вернуть в мир эти чувства, обогащенные своим опытом и знанием. Ну и, конечно, поэзия — это умение выразить эти чувства и мысли по-своему, в той единственно возможной и законченной форме, которая отличает поэзию от прозы.

В каждом стихотворении, в каждой поэтической строке есть своя загадка, свой фокус...

Попробуйте пересказать прозой всегда поражающие вас удивительные строчки:

**«Редает облаков летучая гряда,
Звезда печальная, вечерняя звезда...» —**

все пропадет, исчезнет. Это и есть загадка и суть поэзии.

Нельзя назвать стихами те прописные истины, которые — пусть даже в зарифмованном виде — часто еще преподносятся читателю. Такие стихи оставляют читателя равнодушным. Он принимает лишь то, что волнует и близко его сердцу. Тогда и происходит великое чудо поэзии. Быть участником этого чуда — огромная и светлая цель.

Юность особенно жадно стремится к поэзии. Так было всегда, и так, надеюсь останется навеки. Кому, как не юности, свойствен поэтический взгляд на мир, желание все чувства, все оттенки чувств пережить и сделать своими. Поэтому особенно велика ответственность поэта.

Всякая лож страшна, а в поэзии она недопустима. Но особенно постыдно лгать детям и юности, замутнять чистую, неискушенную их душу, губить

в них доверие, с которым они приходят в мир. И счастлив поэт, который имеет право сказать про свой стих, что «нет ни капли лжи в его глубоких ранах».

Я была охвачена этой мыслью еще с первых шагов, когда я, робкая и неопытная, с глубоким волнением выносила на суд людей самое дорогое и сокровенное.

И теперь, когда очень строго и придирчиво отношусь ко всему, что печатается и идет к читателю, еще и еще проверяю качество, смысл, звучание стихов — лишь бы не сфальшивить, не пропустить неверной ноты.

Такая придирчивость поэта к своим стихам — неременное условие поэтической работы: дать стиху единственно возможное звучание и мысль. Быть может, иной читатель и не согласится с поэтом, но он должен знать, что автор старался сделать все, что мог, когда составил свою книгу. Вот она — перед вами.

З у л ь ф и л

ЧАСТИЦА
СОЛНЦА

ЧИТАТЕЛЯМ

Когда, еще в девические годы,
Зажгла для вас я искры первых строк,
Он слился с мощным пламенем свободы,
Тот неприметный, робкий огонек.

Сказали мне: «Гори не угасая!
Мы знаем, что губителен пожар,
Но пламя сердца, песнь твоя простая,
Да будет нам как благотворный дар».

Я это пламя отдала долинам,
Чтоб ярко в каждом вспыхнуло цветке,
Студенческим вагончикам целинным,
Текстильщицам в рабочем городке.

Любви и правды огненная сила,
Казалось, двигала моим пером,—
Ни горя, ни веселья не тагла,
Я честно говорила обо всем.

Я — дочь народа, мастера большого,
Что трудится, поэзией дыша.
Сумею ли ему сказать я слово,
Сияющее, как его душа?

С Ю З А Н Е

«Я полюбил тебя, взглянув в твои глаза.
И в мире с той поры светло мне только с ними.
Волну несет поток и молнию — гроза,
А я твержу твое коротенькое имя».

Ты это говорил. Вечерняя заря
Над сонною землей тюльпаны осыпала.
Дыханье затаив, от радости горя,
Я слушала тебя и глаз не поднимала.

Обычай есть такой: джигита полюбив,
Цветное сюзане невеста вышивает.
И вот шелков цветных веселый перелив
В корзинке предо мной как радуга блистает.

И все цветы садов, цветы Чимганских гор —
И роза, и райхон, и астра золотая —
Приходят в дом ко мне, вплетаются в узор,
Охапки лепестков по шелку рассыпая.

Но только начала я это сюзане,
Иголки острие мне укололо руку.
Запахла дымом даль. В пороховом огне
К нам ворвались враги... И приехали разлуку.

И взял оружие ты окрепшею рукой,
И за твоим конем я шла, полна тревоги.
«Подруга, жди меня! Вернись, окончив бой!» —
Донесся возглас твой с полуночной дороги.

На память о весне осталось сюзане.
Ладонью провела по шелковому свитку
И, губы закусив, в тревожной тишине
Во весь размах руки разматываю шутку.

И словно сквозь узор глядят глаза твои,
И на шелку стежки, как строчки на бумаге.
И это сюзане — письмо моей любви,
О терности оно, о славе и отваге.

Подруги помогать приходят иногда,
И, косы наклонив над яркими шелками,
Мечтаем вместе мы. А сквозь окно звезда
Внимательно следит за быстрыми руками.

Ты победишь врага. Вернешься. И вдвоем
Цветного сюзана мы развернем узоры...
Сияньем солнечным оно наполнит дом,
И солнце никогда не спрячется за горы.

На память обо мне прими подарок, друг!
Он ярок, словно сад во время листопада.
Замысловатое искусство женских рук —
Забава для тебя, а для меня — отрада.

**ИДУ Я
ГОРОДОМ
РОДНЫМ**

**Иду я городом родным, где свет струится,
Где оживление царит в толпе людской,
Где, как в Москве, машин стальная вереница
Все время катится певучею рекой.**

**Как славно быть волной народного потока!
Смотрю — и кажется, что каждый мне знаком.
Не знаю их имен, но я не одинока,
Одним стремлением мы дышим и живем:**

**Красу грядущего приблизить к нашим
будням,
Страницу новую увидеть в книге лет.
«Где близкие мои в потоке многолюдном?»
И солнце ласково сказало мне в ответ:**

17

1967

16 200СР

317/4

«Все те, кого сейчас лучами я коснулось,
Все, кто избрали путь боренья и любви,
Все те, с которыми я для труда проснулось,—
Вот близкие твои, товарищи твои!»

И мне представилось: там, на подъемном кране,
Туркменка трудится, и новый дом встает,
И этот новый дом в ее Туркменистане
Как солнцу светлый гимн, что девушка поет!

И мне представилось: там, на реке Сибири,
Электростанцию возводят мастера,
Чтоб свет грядущего сиял вольней и шире,—
Там близкие мои, мой брат, моя сестра!

Страна живет во мне,
и сердце так похоже
На карту Родины!
Как ни был бы далек,—
В тайге или в степи, суровый иль пригожий,—
Но дорог, близок, мил мне каждый уголок.

Откуда б я взяла огонь для песни сердца,
Когда бы не было тепла моих друзей?

**Приходит песня к ним, чтоб ярче разгореться,
Родиться заново и зазвучать сильнее.**

**Не зная их имен, я нахожу повсюду
Товарищей, подруг, далеких, но родных:
Они живут во мне,
и счастлива я буду,
Когда и в их сердца войдет мой скромный стих.**

НЕВЕСТА

Пейте, гости!

Ешьте что угодно.

Разве мало плова и вина?

Свадьба в нашем кишлаке сегодня.

Ярким светом ночь ослеплена.

Полная луна с небесной выси

Смотрит на невесту чуть дыша.

Как блестит на тибетейке бисер,

Как невеста нынче хороша!

Девушка и смущена, и рада,

С плеч спадают две косы тугих.

Смотрят гости, не отводят взгляда;

Смотрит зачарованный жених.

Песенка «Яр-яр» уже звучала,
Может, в третий иль четвертый раз.
Отражались в налитых бокалах
Сорок с лишним пар веселых глаз.

Поздно уж, но окна не закрыты,
Ярким светом залит новый дом,
Там сейчас походкой деловитой
Входят в круг невеста с женихом.

Шире круг!..
И молодые, оба,
Окруженные со всех сторон,
Заплясали под напев рубóба,
Под хлопки гостей и бубна звон.

Девушка танцует и стыдится,
Опускает голову на грудь,
Не решается поднять ресницы,
Чтоб мгновенье это не спугнуть.

Не спугнешь его ты, дорогая,
Много счастья на твоём пути.
Пред тобой дорога золотая,
Хорошо по ней вдвоем идти!

Не смущайся, подними ресницы,
Счастью быть еще немало дней.
Это только первые страницы
Книги жизни радостной твоей.

В вашей жизни будет много света,
Много счастья...

Пусть она всегда
Будет весела, как свадьба эта,
И, как пляска эта, молода!

СОЛОВЕЙ

Плеск воды, блеск звезды, трепетанье ветвей,
Влажных роз молодое цветенье...
И поет соловей, друг цветов соловей,
Прославляя весны вдохновенье.
Под луною разносится звонкая трель —
Соловьинная льется газель.

Ты постой, соловей! Ты не пой, соловей,
Дай свой голос попробую я...
Может быть, этой песне весенней моей
Улыбнутся сердечно друзья.
Я спою про счастливую долю мою,
Про любимую землю спою.

**Ведь недаром шутливо друзья соловьем
Называют счастливца поэта.
Может, это и так, коль поем мы вдвоем.
Коль поем с соловьем до рассвета.
И плывет в лепестковую эту метель
Соловьиная наша газель.**

**Ж Е Н Щ И Н А
В П А Р А Н Д Ж Е**

**Женщин жизнерадостные лица,
Девушки, идущие гурьбой...
Как же я могла не огорчиться,
В этот полдень встретившись с тобой?**

**Стая птиц над городом резвилась,
Было много света и тепла
В час, когда, как тень, ты появилась,
По цветущим улицам прошла.**

**Я спрошу, и ты должна ответить,
Я хочу услышать твой ответ:
Где ты подняла обноски эти,
Берегла зачем их столько лет?**

Почему же солнце золотое
Спрятано от взора твоего?
Или же лицо твое такое,
Что стыдишься показать его?

Нет, не хуже, чем у многих женщин,
Лик, что скрыт твоею паранджой,
Может быть, на нем загару меньше,
Но ведь ты сама тому виной.

Ты отгородилась от знакомых,
От весны, от света, от тепла.
То, что все уж бросили давно мы,
Почему с земли ты подняла?

Я прошу тебя остановиться,
Посмотреть внимательней вокруг:
Разве ты не видишь яснолицых
Женщин, девушек — твоих подруг?

Перед ними солнечные дали,
Хорошо идти им по земле,
Петь на молодежном фестивале,
Важные дела решать в Кремле,

Сеять зерна хлопка на равнине,
А потом тот хлопок собирать,
Покорять безводные пустыни,
Силу рек в сиянье превращать.

Посмотри на лица молодые...
Что же ты проходишь? погоди.
Видишь ты, как звезды золотые
Светятся у многих на груди?

Ты ведь тоже можешь стать такою.
Что же ты идешь и смотришь вниз?
Почему меж счастьем и тобою
Этот черный занавес повис?

Сбрось с лица ты мрак многовековый
На тебе не просто ведь чачван,—
На тебе минувшего оковы,
Горестного прошлого туман.

Женщина, постой! Я жду ответа.
Подними чачван и погляди.
Видишь, сколько перед нами света?
Видишь, сколько счастья впереди?

С Н Е Г

Как белых вишен лепестки,
Снежинки кружатся в саду.
Белы снежинки и легки,
Земля в снегу, ручьи во льду.
Но даже в этой белизне
Мои все думы о весне.

На крышах снег, на ветках снег,
И солнце с облачной горы
Глядит на новых санок бег,
На игры шумной детворы.
А щеки у ребят красны,
Как розы первые весны.

Под мягким снегом спит земля.
В тулупе белом хлопковод
Обходит снежные поля,
И дням холодным счет ведет,
И видит в серебре воды
Весны незримые следы.

В груди земли живет весна,
В ручьях и в сневиденьях птиц.
Глядит из глаз твоих она
Сквозь снег, коснувшийся ресниц.
Снежинки кружатся, легки,
Как белых вишен лепестки.

В Е Ч Е Р

В той тишине, что всюду разлита,
Сменяется согласным звуком гласный,
И горизонта алая черта
Напоминает мне утók атласный.

Окончен день работ и день забот.
Пора домой семейным возвратиться,
А молодых в свое гнездо зовет
Таинственная, вещая жар-птица.

Там, где арык блестит стальным путем,
Как саженцы, что выростали дружно,
Беседуют влюбленные. О чем?
Мне отгадать нетрудно, но не нужно.

На всей земле они теперь одни.
Замолкни, ветер луговых раздолий,
И ты склонись, трава, и ты усни,
Трудолюбивое родное поле!

Как уголь в кузне, остывает день.
Предвестник ночи — месяц — на востоке.
Но двум сердцам чужда ночная тень:
В них разгорается огонь высокий.

ЧАСТИЦА СОЛНЦА

Настала на собранье та минута,
Когда чачван с себя сняла она,
И бросила, и засияла, будто
От туч освобожденная луна.

Она, согретая душевным словом,
Пошла домой по улице, туда,
Где все каким-то незнакомым, новым
И сказочным казалось ей тогда.

Она навек запомнит скрип калитки,
И злую тень отцовского лица,
И брошенный хурджин¹ — ее пожитки,—
И вместе с ним проклятие отца.

¹ Х у р д ж и н — переметная сума из ковровой материи.

Но все же не свалил ее ударом
Ни крик отца, ни материнский стон,—
Огонь великой истины недаром
В девичьем сердце был уже зажжен.

Пред молнией бессильны даже горы:
Ни кручи скал, ни их извечный лед
Не в силах погасить огонь, который
Та молния в самой себе несет.

И девушка пошла навстречу свету,
Прочь от старья, от мрака и беды.
Наверно, так же вдаль летит комета,
Навеки отрываясь от звезды.

Десятилетия пролетают быстро.
Я на свою ровесницу гляжу
И вижу путь до женщины-министра
От девушки, сорвавшей паранджу.

Она сейчас чуть-чуть уже седая,
Усталая, по улице идет.
Как в дни былые, дочь свою встречая,
Старик отец дежурит у ворот.

В ее глазах огонь неугасимый...
Старик запомнил: много лет назад
В тот горький день у дочери любимой
Таким же пламенем светился взгляд.

Давно и сам уж понял он, что эта
В глазах людей горящая заря
Не что иное, как частица света,
Частица солнца — солнца Октября.

ЗАВИСТЬ

Колышется река передо мной,
Так много жизни в этом колыханье.
Река сверкает солнцем и весной,
Живительно для нас ее дыханье.

И это зависть вызвало во мне?

Подобен океану мой народ,
А речка, что скрывать, не многоводна,
Где ей положено, там и течет,
А я по всей земле пройду свободно.

Так что же зависть вызвало во мне?

Но от реки я глаз не оторву,—
Вскипают волны, пенятся в избытке,
Они вобрали неба синеву,
В них блещут солнца золотые слитки.

Щебечут птицы над водой реки,
Им по сердцу волнистые качели.
Коснувшись влаги свежей, ветерки
С ее прохладой в город полетели.

Не это зависть вызвало во мне...

Живое пламя в сердце у меня,
В нем есть любовь и ненависть святая:
Ведь я сама возникла из огня,
Дочь солнечного, огненного края.

Так что же зависть вызвало во мне?

Слежу я долго, жадно за водой,
Мне глиняная видится ограда.
Держа кетмень в руках, старик седой
Поит речным потоком землю сада.

Колечек влажных льется серебро,
Вода струится по земле душистой;
Моя душа, чтоб с ней творить добро,
Стремится к ней, к такой простой и чистой.

**Пригоршнями девчонка из реки
Пьет воду... Как мне хочется, чтоб каждый.
Чье сердце зажжено высокой жаждой,
Испить пришел бы из моей строки!**

...Так вот что зависть вызвало во мне!

ПРИЗНАНИЕ

П Р И З Н А Н И Е

Ты отважен, юноша правдивый;
Полюбив, ты втайне не горишь,
Черноглазый мой, красноречивый,
О любви мне первый говоришь.

А свою любовь я в сердце скрыла,
К ней не допуская никого.
Я одна лелеяла и чтила
Тайный пламень сердца моего.

И любви закованное слово
Из горящих уст моих рвалось,
Но молчать решила я сурово,—
Пусть бы мне погибнуть довелось!

Я не знала: ты любил ли прежде?
Я не знала: ты другой любим?
Я не знала: верить ли надежде?
Я не знала: будешь ли моим?

Думала я: не велит обычай
Первой разговор любви начать.
Он — клеймо на чистоте девичьей!
Но теперь я не могу молчать.

Долго я в себе искала силы,—
Силы не нашла сильней любви.
Я люблю тебя, волшебник милый,
Душу мне любовью оживи!

ЗАЦВЕЛ УРЮК

«Зацвел урюк наш у окна»,—
Так ты писал, когда был жив.
Урюк цветет. Живу одна,
На сердце камень положив.

О, если бы могли года
Огонь разлуки погасить!
В изнеможении сюда
Пришла свиданья я просить.

Протосковавши вечер весь,
Опять в знакомый дом вошла,
Одна заночевала здесь,
Где я с тобой вдвоем жила.

Рекой добра и теплоты
Здесь наша молодость текла.
Здесь счастье было. Здесь был ты.
Здесь я тобой полна была.

Здесь в доме каждый уголок
Напоминает ночи те,
И прежней песни уголок
Нет-нет и вспыхнет в темноте.

Здесь, глядя в милые черты,
Притихнув, молча я ждала,
Пока стихи допишешь ты
И оторвешься от стола.

Здесь ты их первой мне читал:
Ты, я — и больше никого...
И поднимал глаза, и ждал
С немим вопросом: «Каково?»

В безрадостных своих ночах
Запомню до седых волос,
Как нежен был и величав
Тот, с кем так мало жить пришлось.

Горжусь, что ты писал при мне.
Пусть каждая строка твоя
Давно завещана стране,
Но первой слушала их я.

До смерти не забуду — нет! —
Тех прежних, тех счастливых нас.
Уже зарозовел рассвет,
Так и не дав сомкнуть мне глаз.

Твой голос как глухая боль:
«Зацвел урюк наш у окна...»
И со свидания с тобой
Опять я ухожу одна.

З В Е З Д А

Как душно в комнате! Я выхожу во двор,
И светит мне звезда в тумане теплой ночи.
Я знаю этот свет. Я помню этот взор:
Да это же твои глаза глядят мне в очи!

Звезда далекая и яркая, как ты,
Так пристально глядит, как будто утешая,
Как будто говорит мне тихо с высоты:
«Подруга, и с тобой, с тобой любовь большая».

**ПРИШЛА ВЕСНА,
СПРАШИВАЕТ О ТЕБЕ**

**Живым дождем омыв миндаль,
В рассветный час пришла весна.
Полетом птиц наполнив даль,
Тревожа нас, пришла весна.**

**О, как любил ты час ночной,
Когда готов зацвести урюк,
И аромат земли сырой,
И почек хлопающий звук!**

**За ворот зиму ухватив,
В рожок пастушеский трубя,
Твердя любимый твой мотив,
Весна пошла искать тебя.**

И, чтоб скорей тебя найти,
Став ветром, ворвалась в сады
И обыскала по пути
Всё, от пустыни до воды.

И так озлилась, не найдя,
На белый свет, на свой простор,
Что стала бурю, гудя,
И покатила камни с гор.

Она спросила пастухов,
Стада пасущих: «Где поэт?»
Но нет у горя добрых слов,—
Они молчали ей в ответ.

Тогда, оборотясь лучом,
Весна вошла в мой темный дом,
Спросив у слез моих: «О чем?» —
Склонилась над ребячьим сном

Моих детей, твоих детей
И, не найдя тебя опять,
Не видя более путей,
Мне сердце начала пытаться:

«Где тот, который ждал меня
На перекрестке всех дорог,
Тревоги от себя гоня,
Налюбоваться мной не мог?

Зачем покинул свежесть трав,
Тюльпаны и в цвету урюк?
Зачем, строки не дописав,
Перо он выронил из рук?

Где те прекрасные слова,
В которых я любила цвeсть,
В которых я была жива,
Еще прекраснее, чем есть?

Зачем ты в черном и в слезах?
Зачем молчишь ты мне в ответ
И снег не тает в волосах?
Где тот певец, где тот поэт?»

Дай руку мне... Молчат уста.
И молча я ее веду...
В тени безлистого куста
Могила выросла в саду.

Тогда весна умчалась прочь,
Неся с собой мою печаль,
И над могилой в ту же ночь
Зацвел, как облако, миндаль.

И песню, спетую тобой,
Запел на ветке соловей.
И мир, разбуженный весной,
Шумел над памятью твоей.

**МОЯ ПЕЧАЛЬ,
ТВОЯ БЕДА...**

**В невидимом горю я пламени,
Что не погаснет никогда.
Печаль пришла, печаль нашла меня,—
Моя печаль, твоя беда.**

**Засну — приснишься неминуемо,
Проснусь — ищущ тебя в жару.
Моя строка, тобой волнуема,
Не подчиняется перу.**

**Могу ли стать спокойней, сдержанней?
О, почему, скажи мне все ж,
Любовь, чем ты самоотверженной,
Тем больше горя нам несешь?**

Моей печали постижение —
В потоке месяцев и дней.
Хотя я с ней веду сражение,
Она становится сильней.

Твоим я счастьем счастье меряю,
С тобой слилась на все года,
И даст мне силу — твердо верю я —
Моя печаль, твоя беда.

Давно твой взгляд я не ловила взглядом,
Поэт моей души, моей земли;
Давно с тобой мы не сидели рядом,
Беседы задушевной не вели.

А сердце? Сердце позабыть не может
Той книги, где живет твоя любовь.
Едва лишь ветер струны растревожит,
Оно звенит: «Найди ты друга вновь!»

Та сила, что сердца соединила,
Влечет к тебе, не ведая преград.
Хочу я все забыть, но эта сила
С годами стала пламенней стократ.

**О, если бы назло природе, если б
Назло богам и всем врагам на страх
Ты ожил бы и радостно воскресил б
Все наши поцелуи на устах!**

**Владыка сердца моего! Впервые
Я стала б на колени пред тобой,
Чтобы войти в твои глаза живые
С моей любовью и моей судьбой!**

К Р А Т К А Я В С Т Р Е Ч А

Ты сообщил: «Лечу в твои края,
Ко мне навстречу выйди, сделай милость!» —
И я в глаза сплошные превратилась,
И в воздух поднялась душа моя.

И поняла твоя стальная птица,
Что непреклонен двух сердец приказ,
Что мимо пролететь на этот раз
Ей не удастся: надо приземлиться!

Тебя от солнца я оторвала,
К самой лазури прикоснулись руки,
И сразу я забыла о разлуке:
Так наша встреча радостна была.

Скажи, ты понял, что свиданье наше
На мир полоской света пролилось?
Ты понял ли, что черный блеск волос
Становится от светлой пряди краше?

На полуслове речь оборвалась;
Мгновенья краткой встречи пролетели;
Но в двух сердцах две трепетных свирели
Не прерывали праздничную связь.

Ты улетел; но, грустный и горящий,
Твой взгляд остался в сердце у меня.
Что может быть сильнее того огня,
Которым полон взгляд животворящий?

●
Мой друг, ты спишь в земле. Но как мне
нужен ты!

Поговорю с тобою, посижу я.
Давно ли ты, мой друг, мне приносил цветы?
Теперь к тебе с цветами прихожу я.

Забуть ли дни любви, горенья и труда!
Теперь ко мне навстречу ты не выйдешь.
Лишь радость видел ты в моих глазах всегда,
Теперь ты даже слез моих не видишь.

КАПЛЯ

Тебе сегодня пятьдесят, мой друг.
Ты далеко сейчас, но тем заметней,
Что солнцу тоже пятьдесят, что луг
Покрыт травой пятидесятилетней.

Перу, бумаге тоже пятьдесят,
И жизнь такая в строчках загорелась,
Что листья дышат и дожди шумят,
А грусть и радость обретают зрелость.

Арабы нам сказали всех ясней,—
Они слынут недаром мудрецами,—
Что расстояний в мире нет длинней,
Чем расстояние между сердцами.

Но если расстояние велико —
Мне мысль арабов кажется бесспорной,—
От сердца к сердцу, что не так легко,
Я мост прокладываю стихотворный!

Я тайно не приду. Я не войду
В твой дом, в твою судьбу, подобно клину.
Я не накличу на тебя беду
И то, что ты воздвиг, не опрокину.

Но в день, когда придут и друг и враг,—
Как свет, как первое стихотворенье,
Как сказка, появлюсь, раздвинув мрак,
Твое смятенье и твое горенье!

Мне, капле, что почет и непочет?
Для капли место — на листе и в чаше.
Тебя восторг веселья увлечет —
За тостом тост, один другого краше.

Но вдруг поставишь ты пустой бокал,
Окинешь всех отсутствующим взглядом,

Как бы чего-то, что всегда искал,
Недостает, а быть могло бы рядом.

Исчезнет все, чем жизнь была полна.
Себя почувствуешь ты одиноким.
Протянешь руку, чтоб испить вина,
Но не зажжешься пламенем высоким.

Измучает тебя тоска твоя,
Она тебя иссушит, отрезвляя,
Подобная слезинке соловья,
На дне бокала капелька живая!

Пусть эта капля горяча, светла,
Она огня хмельного не дарует,
Но без огня испепелит догла,
А наслаждением не очарует.

Кто эта капля? Воспаленных глаз
Слеза, от мира скрытая вначале?
Мечта, что слабой искоркой зажглась,
Когда воспоминанья зазвучали?

**Иль тот любви пугливой робкий дар,
Давно забытый и оживший снова?
Иль сердца женского желанный жар,
Коснувшийся дыханья ледяного?**

**Что б ни было, но эта капля я,
Я, я сама. И ты себя не мучай,
Ты берегись прозрачного питья,
Не пей: нет счастья в этой капле жгучей.**

**ДРУЗЬЯ,
ИДИТЕ
К НАМ!**

В СОСНОВОМ ЛЕСУ

**Тучи растаяли на небосклоне,
Тихо, светло, и дождя больше нет.
К солнцу протянуты сосен ладони,
В каплях — зеленый изменчивый свет.**

**Только что вымытый, полный сиянья,
Лес окружает меня красотой.
Хвои намокшей вливаю дыханье,
Тихо шагаю тропинкой лесной.**

**Из красноватого камня ступени
На гору с берега речки ведут.
Хрупкие, бледные жители тени,
Здесь боязливо фиалки цветут.**

Что мне дорога! Ступени оставив,
Я пробираюсь среди мшистых корней,
Лезу, цепляясь за камни, за травы
И за пушистые полы ветвей.

Сосны всё чаще, а небо все ближе,
И, окунувшись в небес бирюзу,
Издали речку невучую слышу,
Бархатный шелест долины внизу.

Тихо под ветром качаются сосны.
О, этот моря соснового шум,
Травы пахучие, светлые росы,
Крылья орлиные трепетных дум!

Нет, не напрасно искали поэты
Песен истоки в Кавказских горах.
Утро!

Зеленой росинкою света
Ты и в моих засверкало стихах.

МУШОИРА¹

Уже пришла вечерняя пора,
Сошла жара.
Идите к нам: у нас мушопра́,
Мушоира!
Здесь близким друг становится далекий,
Здесь праздник мастерства,
Здесь рифмы соревнуются, и строки,
И чувства, и слова.
Чьи краски ярче? Глубже описание?
Чья мысль остра?
Звенит, гремит поэтов состязанье —
Мушоира!

Для цветника поэзии восточной,
Для звонкого созвучья, мысли точной
Не нужен пышный или душный зал:

¹ Мушопра́ — излюбленное на Востоке состязание поэтов.

Поэт, придя сюда, с собою взял
Лишь песню, песню Нила или Ганга,
И только удивительный навес
С плодами нарисованными манго
Слегка нас отделяет от небес.
И вечер, голубей Бенгальского залива,
Нас окружает с четырех сторон,
И в блеске звезд, вдали горящих горделиво,
Свет наших ламп чудесно повторен.
А ветерок приносит с побережий
То запах трав, пронзительный и свежий,
В котором есть вечерняя роса,
То песню девушек индийских,
То птиц, неведомых, но близких,
Пленительные голоса.
Вы вдохновенья слышите приказ?
Веленье смелого пера?
Друзья, идите к нам, идите к нам! У нас
Мушоира!

На возвышении, украшенном ковром,
Что радугу напомнил бы по цвету,
Своим душевным делится добром
Все те, кто к правде тянется и свету.
Да, в этом поэтическом саду
Есть малые цветы и мощные чинары,

Но вижу я: сейчас и молодой и старый —
В одном строю, в одном ряду.
Обычаи Востока строги,
И в Индии мы их нарушить не хотим:
На радуге-ковре, скрестивши ноги,
Хозяева и гости, мы сидим.
И обувь разноцветная у входа,
Что сняли мы, когда сюда пришли,
Напоминает вам: так вот следы земли,
Где труд, где слава каждого народа!

Индийские сандалии видны
С подошвой деревянной из сандала.
Искусная рука их создавала
Умельца этой сказочной страны,
И если путешествовать я стану—
Надену их, пойду по Индостану!
Они явились из различных стран:
Ботинки эти сделаны Багдадом;
На этих — пыль Китая; а Иран
С Цейлоном оказались рядом;
Монгольский сапожок — с пенджабским
каблучком;
Невольно обвожу я взглядом
Те туфли, что моим пошиты земляком,
Ташкентским мастером Ахмáдом.

Благодарю тебя от всей души,
Сосед, твои изделия хороши,
И, может быть, сапожник из Кашмира
С тобою соревнуется, мой друг,
Во имя изобилия и мира
И тоже входит в наш звенящий круг.

Седоволосый, с юными глазами,
Что помнят Индию, облитую слезами,
Что видят радостный ее расцвет,—
У микрофона встал поэт,
Старейший в нашем состязанье,
Его участник и глава...
К чему певцу иносказанье?
Текут в душе рожденные слова,
В которых — воля и дерзанье.
Язык находят общий мастера
В такие вечера.
Идите к нам. У нас мушоира,
Мушоира!

Моя подруга, соловей Пенджаба,
Своим стихом вторгается в сердца.
Пусть нежен стих — нет, не звучит он
слабо,
В нем сила матери и честь борца...

Читал стихи Вьетнам, читал Непал,
Читал таджик, и русский друг читал.

Чем были строфы ярче, задушевней,
Звенели чище и напевней,
Тем становились ближе нам, сродни.
Сливались в карту Азии они
И Африки, великой, древней.
И ветры, вырывая из сердец
Созвучья, уносили их далёко,
И Запад к миру звал певец
И счастье возвещал земле Востока.
С поэтов сикхи не сводили глаз,—
Богатыри, что в битвах тверже стали;
Как пламя черное, их бороды сверкали;
Бенгальцы слушали с волнением нас,
В одежды белоснежные одеты...
Все новые и новые поэты
Нам поверяли думы и мечты.
Стихи вставали, как мосты,
Для нашей дружбы, нашего сближенья —
Мосты любви и уваженья,
Мосты народной красоты.

О вечер Индии! О песен упоенье!
Неотделим от слушателя чтец,
И кажется: биенья всех сердец

Слились в одно сердцебенье!
Друзей и близких славный круг
Уже в моей душе все шире, шире...
Сын Африки запел о мире,
И я почувствовала вдруг,
Как много вынес он, надеясь и страдая,
В борежье закалив слова свои,
И потому в глазах горит любовь святая,
Что солнце у него в крови...

Ты — весть о хлебе, благе и покое,
Не шутка, не игра —
Ты жизнь сама! Входи во все живое,
Мушояра!
Ты всех зовешь, кто строит, нашет,
Отбойный поднимает молоток,
Захочет — землю тканью опояшет,
Кто суть поэзии, душа ее, исток.
Они творят в ином, прекрасном роде.
Стихи не часто входят в их жилие;
Их книги — жаркая любовь к свободе,
Их вдохновенье — битва за нее.
Пусть примут все, кто трудятся, участие
В соревнованье наших голосов;
Пусть все, кто сеют, все, кто строят
счастье,
Услышат этот зов.

**Друзья, поэзии живой и дерзновенной
Пусть блещет всюду огненный накал,
Чтоб мирный человек владел вселенной,
Чтоб только миру песни он слагал.
Друзья, идите к нам под сень шатра,
Под сень добра.
Идите к нам! У нас мушоира,
Мушоира!**

М Е Ч Т А

Как тебя ни гнуло б, ни клонило,—
Выпрямшись с прежней прямотой,
Если есть в тебе живая сила,
Та, что называется мечтой.

Дом, в котором и двоим-то тесно,
Дом, в котором жизнь пустым-пуста,
Станет шире, чем простор небесный,
Если в нем пропишется мечта.

Сердце без мечты — без крыльев птица,
Но когда мечта к нему придет,
Заодно с вселенной может биться
Сердце, устремленное в полет.

Захочу — с мечтой, подругой смелой,
На вершине встречу синеву,
А глядишь, мечта — как лебедь белый:
С нею все моря переплыву.

Чуден мир, мечтой преображенный,
Труд природы, труд людских веков,
Ясно, благодарно отраженный
В зеркалах прозрачных родников.

Нам нельзя мечту переупрямить,
Ведь мечта сильнее всех светил
И того приводит нас на память,
Кто из памяти не выходил.

Жизнь тогда рождается сначала,—
Что ушло, то возникает вновь.
То, что я мечтою называла,
Назову по-новому: любовь.

Проницательнее светит разум,
И яснее времени поток:
Пыль дороги кажется алмазом,
В каждом камне вижу я цветок;

Каждая былиночка прекрасна;
Все, что дышит и живет кругом,
Жаждет и настойчиво и страстно
Стать моим трудом, моим стихом.

Сны, что приходили к изголовью,
Властно оживают наяву;
То, что называла я любовью,
Ныне вдохновеньем назову.

А в душе то робость, то отвага,
И со мной до самой темноты
Карандаш и белая бумага —
Светлое оружие мечты.

С В Е Т

Уходя, сказала мать седая:
«Дочка, спи!» — и погасила свет,
Но земля, по-прежнему сверкая,
Мне дарит и запах свой и цвет.

Разве не со мною мир широкий,
Даже если комната темна?
Разве могут не светиться строки,
Если вся душа озарена?

Мама, не зажгу я лампу снова...
Тот, о ком поведала ты мне,
Тот, кто для меня родней родного,
Светит мне, как светит всей стране.

Нас, детей, учила ты: «От века
Не было подобных Ильичу!»
Он возвысил званье человека,
Я его путем идти хочу.

В тюрьмах, в ссылке, сам лишенный света,
Он из искры пламя добывал,
Чтобы вся земля была согрета,
Чтобы день для всех людей вставал...

Грозные прошли десятилетия.—
Этот свет в моих глазах живет,
Чтоб могла в грядущее смотреть я
И по жизни двигаться вперед.

Он — в моей мечте, в моей работе,
В сердце я храню его завет.
Пусть в стихе, что вы сейчас прочтете,
Лениным зажженный вспыхнет свет!

**НЕ ПРОЙТИ
ВОЙНЕ**

Промелькнуло ласточки крыло
В день весны, что мне милей всего,
И свой след беспечно провело
Над губами сына моего.

Сколько света в сердце он зажег!
Юности живое волшебство!
Ласточка оставила нушок
Над губами сына моего.

Как растешь ты быстро! Погоди!
Перегнал ты, перерос ты мать.
Спутник мой большой! К своей груди
Можешь голову мою прижать.

Сын мой, свет мой чистый и родной,
Ты к себе привлек друзей сердца,
Но бывает грустно мне порой,
Что с тобою рядом нет отца.

Слово есть ужасное: «война».
Смерть шагала из конца в конец,
И у многих отняла она
Счастье: друга называть «отец».

И у маленьких моих детей
Это слово отняла война,
Но зато растила их нежней,
С материнской ласкою страна.

Как отец, трудясь из года в год,
Я детей лелеяла как мать.
Вот и сын мой вырос, чтоб народ
Мог его с надеждою принять.

Как скала, он устремился ввысь,
Доверяюсь я ему вполне.
«На мои ты плечи обопрись»,—
Говорит он Родине и мне.

**Я всего лишь мать, но я полна
Мужества, что не горит в огне.
Громко говорю я: «Сгинь, война,
Сын мой нужен Родине и мне!»**

**Не хочу я, чтоб сгущалась мгла,
Чтобы сына вихрь войны обжег,
Не хочу я, чтобы гарь легла
На уста, на ласточкин пушок.**

**Матери! Не наше ль молоко
Человеческий вскормило род?
Пусть летит наш голос далеко,
Пусть к свободе голос наш зовет:**

**«Если встанем все, страна к стране,
Не пройти и не бывать войне!»**

ЧАРОДЕЙСТВО
ОБЛАКА

**В Е Ч Е Р
Н А Б А Л Х А Ш Е**

День отдохаст, устав от гостей и забот.
Сумрак плывет над Балхашем.
Сердце мое вместо солнца пусть ярко сверкнет
В тихом убежище нашем!

Разве ты спрятало, солнце, от нас красоту,
Звонкое золото света?
В сердце моем — это озеро, горы в цвету,
Краски нарядного лета.

Можно ли думать о сне в живописной стране
Песен и щедрого слова?
День подарил меня влаге вечерней, и мне
Участь мила рыболова.

Льется, как сталь Темир-Тау, к подножью горы
Этот Балхаш, это чудо!
С юртой акына сравню я рыбачьи костры,
Волны — с горбами верблюда.

Рыбу вспугнуть я боюсь,— будто слово: вот так
В муках рождается строчка.
Свежий кумыс предлагает мне старый рыбак:
«Выпей, поможет он, дочка!

Всё здесь твое. Наше счастье придет, погоди,—
Скоро с добычей мы будем!»
...Рыбкой трепещет волна, сердце бьется в груди...
Счастье так надобно людям!

Тропка луны золотится у нас на глазах,
В озере ширится зыбко.
«Гостья, добычу бери»,— говорит мне казах.
Что там на удочке? Рыбка!

Но чешуей — серебром древних денег — блестя,
Горькой полна укоризны,
Смотрит она так беспомощно, будто грустя
И умоляя о жизни.

Друг мой рыбак, ей свободу вернуть разреши:
К озеру тянется рыбка,
Словно к любимому, к волнам смятенной души,—
Нежной подруги улыбка.

Пусть моя песня засветится, как чешуя!
Глянув на лунную воду,
Рыбку заметишь — так знай: это песня моя.
Дай же ей, рыбке, свободу!

«Ладно,— рыбак говорит.— Но тогда сотвори
Песню такую, как это
Чистое озеро в блеске вечерней зари,
В золоте лунного света!»

НАВСТРЕЧУ
ПЕСНЕ
АЛА-ТАУ

В какую бездну сбросить я смогу
Все то, что путешествовать мешало?
В огне какого гнева я сожгу
Мое перо, что долго так молчало?

Пора, как ветру, мне начать полет,
Пора мне обратиться в слух и зренье,
Чтоб видеть, слышать, как земля поет
И превращается в стихотворенье!

Уму и сердцу нужен ли покой?
О Ала-Тау, я покой разрушу!
Вот песня льется горною рекой —
И я навстречу ей открою душу.

Ч А Р О Д Е Й С Т В О О Б Л А К А

Не нравились мне раньше облака,
Я не стремилась в сеть небесных кружев,
Но в Казахстане так она легка,
Что трепещу, волненье обнаружив.

Не гладила рукой на гребнях гор
Я облаков разорванные клочья.
Ужели облаками с этих пор
Мне умывать лицо и днем и ночью?

Пусть превратится в шелковый платок,
Пусть облако окутает мне шею,
Пусть арфой обернется — весь Восток
Я песнями очаровать сумею!

Живительной, как солнечный восход,
Пусть напоит меня водой сырою,
Пусть для меня из радуги сошьет
Цветной камзол узбекского покроя.

Когда душа не хочет мятежа,
Стремительное облако мятежно,
Когда же закипит моя душа,
Оно прильнет ко мне светло и нежно.

Когда вершина станет мне мила,
Оно от глаз моих вершину спрячет,
Нависнет, если захочу тепла,
Повеет холодом, дождем заплачет.

То ходит по земле, как пешеход,
То в озере, как челн, плывет, не тонет,
Его не принимает небосвод
И от себя земля сурово гонит.

О пасынок небес! Твоя игра
Бессмысленна, но чистым станет небо,
Как только ты пойдешь путем добра,
Да и земля получит вдоволь хлеба.

**Мир засверкает шире и светлей,
Земной простор не будет затуманен.
Ты сделаешься нужным для полей,
Не чародей, а хлопкороб-дехканин.**

**Из чар твоих я вырвусь. Мы пойдем
С тобою по моей земле. Отныне
Пролейся ливнем теплым, стань зерном,
Раскройся хлопком на родной равнине!**

**Пойдем по той земле, где нет сирот,
Где не в почете у людей бродяги.
До встречи на земле, где ждет народ
Сердечной песни и весенней влаги!**

Д Е Р Е В О

Одинокое дерево гнулось под ветром.
Тот пытался его повалить, поломать,
Он сорвал с него листья и днем неприветным
Наступление начал опять.

Истекало, беспильное, кровью зеленой,
О пощаде дрожанием веток моля,
Ветер бил его, в злобе своей непреклонный,
И от боли вздыхала земля.

И свалилось оно и не взвидело света,
И осеннему ветру открылись пути...
Может быть, упаду я, как дерево это,
Но мой день будет вечно цвести.

З Е Р К А Л О

Нас провожал в дорогу день погожий,
Здесь — дождь и дождь, и тысячи людей
Под зонтиками на грибы похожи.
Сезон дождей.

Наборщицы со свежелою газетой
У типографии в условный час
Советской песней,
 по-японски спетой,
Встречают нас.

Темны их пальцы и темны спецовки,
Но в их глазах какой-то светлый зов.

**Работа, напряженная работа
Людей и созданных людьми станков...
Там, где ценнее жемчуг Мокомото
Всех жемчугов,—**

**Я поняла, что и жемчужин краше
Та дружба, что вошла в судьбу мою,
И зеркало рабочей дружды нашей
Не разобью!**

О С Е Н Ь

Вот и осень... Но я не прошу об участие.
Мысли жаждут пера, сердце жаждет труда.
Пусть нередко несчастьем сменяется счастье,—
Жизнь прекрасна всегда и всегда молода!

Пусть валил меня вихрь, я опять поднималась,
Снова пламя струилось по веткам моим.
Мало было плодов, но и самую малость
Я наполнила жаром и чувством живым.

Пели песню мою близкий друг и далекий,
И порою перо пламенело в огне...
Если завтра мои прочитаете строки,
Пусть вам светит, как пламя, рассказ обо мне.

**ПОРТРЕТ, КОТОРЫЙ
Я ЕЩЕ ДОЛЖНА
НАПИСАТЬ**

Я в пути. Не хочу, не желаю покоя.
Только ты и нужна мне, земли новизна!
Почему-то живет во мне чувство такое,
Что и я всем на свете нужна.

Я иду кышлаком, свежесть утра вдыхая,
Эту землю дочерней любовью любя.
Соотечественница моя дорогая,
Что мне жизнь, что мне песнь — без тебя?

— Здравствуй,— я говорю героине свершений.
На лице простодушном — отваги печать.
А черты ее — песенных строк вдохновенней,
Тех, что я собираюсь начать.

**СЕРДЦЕ ВСЕГДА
В ПУТИ**

Я двигаюсь водным, земным и воздушным
путем.

Державы, поля, города, кишлаки пролетели.
Земля расстилается пестрым лоскутным
шитьем;

Различны привалы, дома, и раздумья, и цели.

Со мной мои спутницы: песня, мечта и
любовь.

Всегда я в пути, как земля, как родная
планета.

И даже во сне отправляюсь я странствовать
вновь:

В постели, как в лодке, стремлюсь я к
причалу рассвета.

Пусть время спешит, нам стреножить его
не дано.
К дням людским тяготею земным
притяженьем.
О чем ни пишу, все движением жизни полно,
И движется сердце мое непрестанным
движеньем.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

О себе	5
------------------	---

ЧАСТИЦА СОЛНЦА

Читателям. <i>Перевод С. Липкина</i>	12
Сюзане. <i>Перевод С. Сомовой</i>	14
Иду я городом родным. <i>Перевод С. Липкина</i>	17
Невеста. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	20
Соловей. <i>Перевод С. Сомовой</i>	23
Женщина в парандже. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	25
Снег. <i>Перевод С. Сомовой</i>	28
Вечер. <i>Перевод С. Липкина</i>	30
Частица солнца. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	31
Зависть. <i>Перевод С. Липкина</i>	34

ПРИЗНАНИЕ

Признание. <i>Перевод С. Липкина</i>	38
Зацвел урюк. <i>Перевод К. Симонова</i>	40
Звезда. <i>Перевод С. Липкина</i>	43
Пришла весна, спрашивает о тебе. <i>Перевод М. Алигер</i>	44

Моя печаль, твоя беда... Перевод С. Липкина	48
«Давно твой взгляд я не ловила взглядом...» Перевод С. Липкина	50
Краткая встреча. Перевод С. Липкина	52
«Мой друг, ты спишь в земле...» Перевод С. Липкина	54
Капля. Перевод С. Липкина	55

ДРУЗЬЯ, ИДИТЕ К НАМ!

в сосновом лесу. Перевод С. Сомовой	60
Шоира. Перевод С. Липкина	62
Речка. Перевод С. Липкина	69
Лет. Перевод С. Липкина	72
Прошлое войны. Перевод С. Липкина	74

ЧАРОДЕЙСТВО ОБЛАКА

Вечер на Балхаше. Перевод С. Липкина	78
Навстречу песни Тау. Перевод С. Липкина	81
Чародейство облака. Перевод С. Липкина	82
Дерево. Перевод С. Липкина	85
Зеркало. Перевод С. Липкина	86
Осень. Перевод С. Липкина	89
Портрет, который я еще должна написать. Перевод С. Липкина	90
Сердце всегда в пути. Перевод С. Липкина	92

Для среднего и старшего школьного возраста

Зульфия (Исраилова Зульфия)

С Ю З А Н Е

С т а х и

Ответственный редактор Г. Р. КАРИМОВА

Художественный редактор С. И. НИЖНЯЯ

Технический редактор Т. М. КРЮКОВА

Корректоры Л. П. ГУСЕВА и Т. П. ЛЕЙЗЕРОВИЧ

Сдано в набор 3/II 1966 г. Подписано к печати 22/VIII 1966 г. Формат 60×90^{1/32}. Печ. л. 8. Уч.-изд. л. 2,10. Тираж 50 000 экз. ТП 1966 № 350.

Цена 20 коп. на бум. м/мел.

И з д а т е л ь с т в о

„Детская литература“

Москва, М. Черкасский пер., 1.
Сортавальская книжная типография
Управления по печати при
Совете Министров КАССР.
Сортавала, Карельская, 42.
Зак. 235.